

УДК: [316.4(470.11)+33(470.11)](045)
DOI 10.37482/issn2221-2698.2020.40.66

Взаимосвязь социального капитала, доверия в обществе и предпринимательской активности населения арктического региона (на материалах Архангельской области) *

© **МАКСИМОВ Антон Михайлович**, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лавёрова РАН, Архангельск, Россия

© **МАЛИНИНА Кристина Олеговна**, кандидат социологических наук, заведующая лабораторией

E-mail: malinina.ciom@gmail.com

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лавёрова РАН, Архангельск, Россия

© **БЛЫНСКАЯ Татьяна Анатольевна**, кандидат сельскохозяйственных наук, магистр социологии, старший научный сотрудник

E-mail: tanja315@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лавёрова РАН, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи социального капитала, институционального и межличностного доверия и предпринимательского поведения населения на материалах отдельно взятого российского региона — Архангельской области. Авторы, вслед за Р. Патнэмом, аналитически выделяют два вида социального капитала — бондинговый и бриджинговый. Уровень первого измеряется посредством индексов межличностного доверия, а второго — посредством индексов общего и институционального доверия. На основе анализа результатов социологического опроса, проведённого авторами статьи, показано, что уровень бондингового капитала, основанного на доверии ближайшему социальному окружению, в Архангельской области достаточно высок, но при этом наблюдается дефицит бриджингового капитала, опирающегося на доверие к публичным институтам и гражданскую солидарность. Показано, что дефицит бриджингового социального капитала, связанный с невысоким уровнем доверия к институтам, повышает транзакционные издержки рыночных агентов — предпринимателей, что негативно сказывается на реализации предпринимательского потенциала региона. Таким образом, обосновывается, что величина социального капитала выступает ключевым неэкономическим фактором, снижающим показатели инвестиционного рейтинга и предпринимательской активности в регионе на фоне низкой динамики валового регионального продукта и доходов населения и наращивании государственных расходов по стимулированию малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: *социальный капитал, институциональное доверие, предпринимательская активность, инвестиционная привлекательность региона, бондинговый капитал, бриджинговый капитал.*

* Для цитирования:

Максимов А.М., Малинина К.О., Блынская Т.А. Взаимосвязь социального капитала, доверия в обществе и предпринимательской активности населения арктического региона (на материалах Архангельской области) // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 66–81. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.66

For citation:

Maksimov A.M., Malinina K.O., Blynskaya T.A. The Correlation of Social Capital, Social Trust and Population' Entrepreneurial Activity in the Arctic Region (a Case Study of the Arkhangelsk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 66–81. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.66

The Correlation of Social Capital, Social Trust and Population' Entrepreneurial Activity in the Arctic Region (a Case Study of the Arkhangelsk Oblast)

© Anton M. MAKSIMOV, Cand. Sci. (Pol.), Associated Professor, Senior Researcher

E-mail: ammx15nov@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia

© Kristina O. MALININA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Laboratory

E-mail: malinina.ciom@gmail.com

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia

© Tatyana A. BLYNSKAYA, Cand. Sci (Agri.), Master in Sociology, Senior Researcher

E-mail: tanja315@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article considers the relationship of social capital, institutional and interpersonal trust, and entrepreneurial activity on the data of the Arkhangelsk Oblast. The authors, following R. Putnam, analytically distinguish two types of social capital — bonding and bridging. The level of the former is measured by interpersonal trust indices, while the latter is measured by general and institutional trust indices. Based on the analysis of the sociological survey results, conducted by the authors of the article, it is shown that the level of bonding capital, based on trust in the nearest social environment, is quite high in the Arkhangelsk Oblast, but there is a shortage of bridging capital that based on trust in public institutions and civil solidarity. It is shown that the deficit of bridging social capital, associated with a low level of trust in institutions, increases the transaction costs of market agents like entrepreneurs, which negatively affects the implementation of the region's entrepreneurial potential. Thus, it is proved that the amount of social capital is a key non-economic factor that reduces the investment rating and entrepreneurial activity indicators in the region against the backdrop of low dynamics of gross regional product and population incomes and increasing government spending to stimulate small and medium-sized businesses.

Keywords: *social capital, institutional trust, entrepreneurial activity, investment attractiveness of the region, bonding capital, bridging capital.*

Введение

Комплексное социально-экономическое развитие регионов Арктической зоны Российской Федерации (далее — АЗРФ) трудно представить без активного вовлечения населения в формы экономической деятельности, отличающиеся достаточно высоким уровнем инвестиционного риска. Такие формы весьма разнообразны — от использования многочисленных финансовых инструментов, доступных гражданам, до организации собственного бизнеса. Общей чертой этих форм экономической деятельности является необходимость действовать в условиях повышенной неопределённости. Одним из факторов, снижающих эту неопределённость, является качество (надёжность и эффективность) институтов, организующих рыночные взаимодействия (включая политико-правовые институты).

Качество институтов находит своё отражение в формализованных экспертных оценках и индексах институционального доверия, рассчитываемых на основе данных массовых опросов. При этом доверие к институтам, как со стороны экспертов, так и среди рядовых граждан фактически выступает фундаментом жизнеспособности этих институтов, поскольку

в условиях дефицита такого доверия экономические субъекты «изобретают» альтернативные институты, функционирующие в зоне неформальных взаимодействий.

Другим фактором, влияющим на неопределённость, выступают объём и распределение социального капитала в рамках некоторого сообщества людей. Социальный капитал также связан с феноменом доверия — в данном случае доверия между членами социальной группы или локального сообщества. Чем выше уровень межличностного доверия, тем прочнее горизонтальные (слабые по М. Грановеттеру) связи [1, с. 303–305]. Это, в свою очередь, выступает условием умножения социального капитала [2, с. 13], экономический эффект которого выражается в сокращении транзакционных издержек — взаимное доверие между контрагентами снижает неопределённость и делает излишним обращение к институтам, обеспечивающим контроль за действиями участников рынка и принуждающим последних к соблюдению «правил игры» [3, с. 60; 4, с. 33].

Настоящая статья посвящена анализу связи основных параметров региональной экономики и уровня накопления социального капитала в отдельно взятом арктическом регионе (Архангельской области), измеряемого посредством индексов институционального и межличностного доверия.

Методологические основания концепции социального капитала

Одним из первых систематическую разработку концепции социального капитала осуществил французский социолог П. Бурдьё. Согласно его точке зрения, социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институализированных отношений взаимного знакомства и признания [5, с. 248–249]. В трактовке П. Бурдьё такая сеть неформальных связей представляет собой нечто подобное закрытому «клубу», благодаря членству в котором индивиды могут конвертировать свой социальный капитал в другие виды капитала, в том числе и в экономический. Поддержка — как символическая, так и материальная — со стороны сети, члены которой осознают себя в качестве общности (иными словами, обладают групповой идентичностью), достигается индивидом благодаря сохранению доверия к нему как к «своему», что подкрепляется выполнением им взятых на себя, при вхождении в группу, обязательств по отношению к другим её членам и группе в целом [5, с. 249–250].

Концепт социального капитала получил развитие в работах американского исследователя Р. Патнэма. Он интерпретирует социальный капитал как компонент социальной системы, включающий сложившиеся социальные сети, общезначимые нормы поведения и взаимное доверие между членами сообщества. При этом Р. Патнэм делает акцент на том, что социальный капитал используется для облегчения координации коллективной деятельности ради взаимной выгоды, включая экономическое процветание общества [6, с. 66–67].

Р. Патнэм строит свою концепцию, базируясь на тезисе теории коллективного действия о том, что к сотрудничеству приводят общие нормы, формируемые общими действиями.

ми. Особое внимание уделено норме взаимности (взаимного обмена), он подчёркивает важность социальных контекстов сотрудничества, в которых нормы обобщённого взаимного обмена соединяются с «твёрдыми обязательствами» и, соответственно, с доверием. Он подчёркивает, что доверие генерируется в первую очередь там, где соглашения между людьми вплетены в прочную структуру личных связей и социальных контактов [7, с. 102–103]. В своих рассуждениях о взаимном обмене Р. Патнэм ссылается на внутригрупповые эффекты — сотрудничество и доверие.

В связи с этим Р. Патнэм аналитически разделяет социальный капитал на «сплачивающий группу» (bonding social capital) и «наводящий мосты» (bridging social capital) [8, с. 20].

«Сплачивающий группу» (бондинговый) капитал характерен для локальных контекстов коллективных действий: например, в ситуации объединения и координации усилий внутри местного сообщества (community) или трудового коллектива по защите их узкогрупповых интересов. В этом случае эмпирическим показателем величины социального капитала могут выступать индексы межличностного доверия.

«Наводящий мосты» (бриджинговый) капитал формируется на основе широкомасштабных социальных сетей, большого радиуса доверия (выходящего за рамки малой группы или местного сообщества) и разделяемых в обществе норм и ценностей. Он способствует созданию широких общественных коалиций, деятельность которых невозможна без опоры на различные публичные институты — профсоюзы, ассоциации предпринимателей, религиозные объединения, политические партии и т.д. Объём социального капитала данного подвиды косвенно может быть измерен через уровень общего доверия (склонность доверять людям безотносительно их принадлежности к ин-группе) и индексы институционального доверия¹.

Однако следует отметить, что, несмотря на принадлежность концепции социального капитала Р. Патнэма к мейнстриму современной западной социологии, с его логикой рассуждений согласны далеко не все исследователи. Так, А. Портес и Э. Викстром представили убедительную критику теоретических построений Р. Патнэма, показав, что социальный капитал не столько определяет гражданскую солидарность и сплочённость общества, а скорее наоборот, является его продуктом, тогда как источником социальной консолидации и интеграции выступают универсальные рыночные и демократические институты [9, Portes A., Vickstrom E., с. 476]. Но эта критика не отрицает возможность измерения уровня социальной

¹ Одним из стандартных индикаторов для оценки величины социального капитала выступает также участие граждан в добровольных ассоциациях. В нашем исследовании этот индикатор не применяется, поскольку фактически не существует надёжной статистики членства в общественных объединениях. Вместе с тем, по результатам проведенного нами опроса были получены значения переменных, отражающих частоту а) посещения кружков (клубов) по интересам («никогда» — 71,9%, «изредка» — 19%), б) посещения церкви («никогда» — 40,6%, «изредка» — 49,6%, в) участия в общественно-политических мероприятиях («никогда» — 57%, «изредка» — 36%). На основе этих данных можно сделать предположение о низком уровне участия в добровольных ассоциациях жителей Архангельской области. Это предположение может быть также подкреплено индексами доверия населения к институтам добровольного гражданского участия (партии, профсоюзы, религиозные объединения).

консолидации посредством индикаторов, используемых для измерения социального капитала. В особенности это оправдано в условиях незавершённого транзита, когда рыночные и демократические институты полноценно и надёжно не функционируют, что как раз и имеет место в случае современной России.

Эмпирическое исследование социального капитала на арктических территориях Архангельской области

Весной 2018 г. под руководством авторов статьи был проведён массовый опрос населения шести муниципальных образований Архангельской области, включённых в состав АЗРФ². В числе измеряемых переменных были индикаторы межличностного и институционального доверия, важные с точки зрения определения общего размера социального капитала на обследованных территориях.

Значения индексов межличностного доверия, используемых нами для оценки величины бондингового капитала, демонстрирует тенденцию к снижению уровня доверия по мере перехода от первичных малых групп (родственники, друзья), для которых характерна неформальная коммуникация, к вторичным — с присущими им более формализованными и ритуализированными коммуникациями. Причём в последнем случае заметен разрыв в уровне доверия в зависимости от регулярности коммуникаций: индекс доверия коллегам по работе более чем втрое превышает индекс доверия соседям по дому (рис. 1). Представленные данные в основном согласуются с общероссийскими показателями последнего десятилетия [10, с. 31].

Рис. 1. Уровень межличностного доверия (значения без размерности, диапазон от -100 до 100, n = 407).

При уточняющих вопросах, когда в качестве объектов доверия рассматриваются ребёнок и оформление кредита, мнения несколько разделились. Респонденты отмечают, что

² Выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту и району проживания; n = 407 респондентов; доверительный интервал $\leq 4,9\%$.

могли бы доверить ребёнка своим друзьям и знакомым (значение индекса = 47³), но на финансовые риски с ними же пойти не готовы (значение индекса = -46). Таким образом, опрошенные демонстрируют доверие к категории «друзья, знакомые» в личных отношениях и недоверие в финансовых (деловых) вопросах. Эта на первый взгляд парадоксальная ситуация может быть отчасти объяснена через данные о самооценке уровня доходов, которые показали, что значительная часть респондентов отнесла себя к категории людей, которым собственных доходов хватает лишь на продукты питания и одежду (47%). Соответственно, можно предположить, что люди, занятые в большей степени вопросами выживания, «сведения концов с концами», в современной нестабильной экономической ситуации ориентированы прежде всего на то, как добыть и сохранить финансы, и необходимость оставить ребёнка на попечение кому бы то ни было, как правило, связывается именно с необходимостью отправиться на заработки. По отношению к категории «родственники» тенденция похожая, но менее выраженная: ребёнка доверили бы в большинстве случаев (значение индекса = 92), тогда как финансовые обязательства готовы взять на себя с меньшим желанием (значение индекса = 38) (рис. 2).

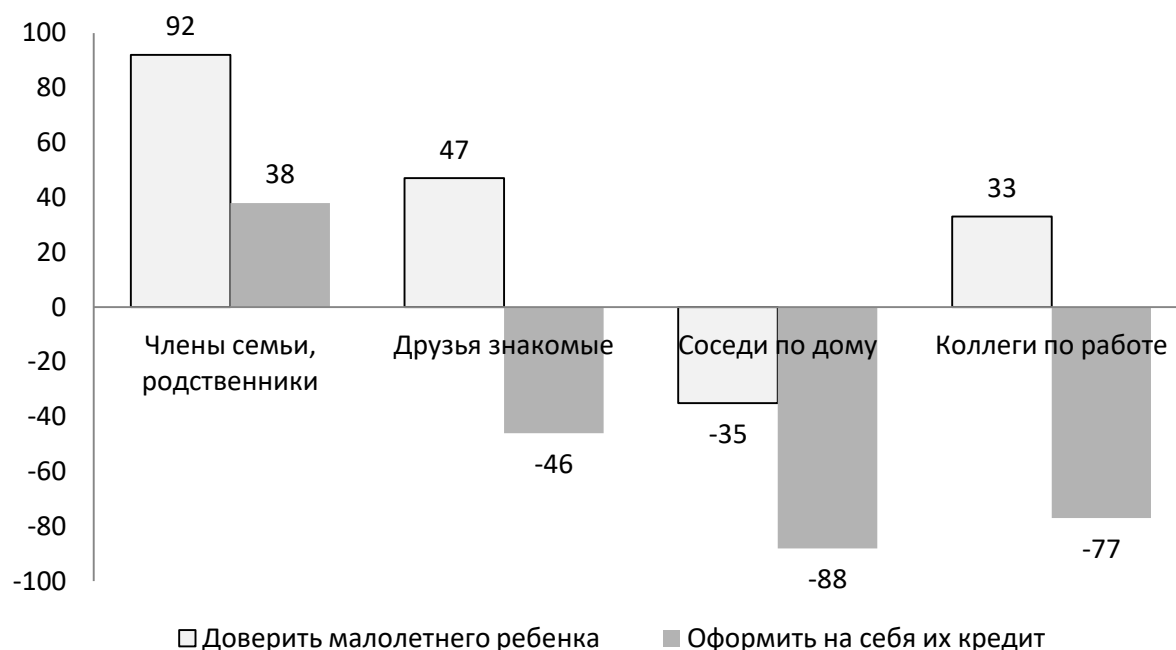

Рис. 2. Уровень межличностного доверия (индексы на основе ответов о готовности доверить малолетнего ребенка и оформить на себя кредит для другого лица; значения без размерности, диапазон от -100 до 100, n = 407).

В целом можно отметить, что в Архангельской области социальный капитал воспроизводится главным образом через поддержание сетей родственных и дружеских связей, тогда как номинальная принадлежность к территориальной группе (соседи по дому) не ведёт к формированию устойчивой сети взаимной поддержки и доверия, не формирует групповую идентичность и, как следствие, групповую сплочённость, а значит, не может служить источ-

³ Индексы рассчитаны по формуле: ответы («доверил» + ½ «скорее доверил») минус (½ «скорее не доверил» + «не доверил»).

ником социального капитала. Можно предположить, что низкий уровень доверия к соседям препятствует возникновению сетей социального взаимодействия на уровне более крупных территориальных сообществ — поселковых и городских. Как следствие, на обследованных территориях Архангельской области под вопросом оказываются разнообразные проекты ТОСов (с точки зрения их создания снизу, а не в рамках плановой работы местных администраций), общественных городских пространств, локальных бизнес-проектов, требующих общественной поддержки (или, по крайней мере, лояльности к ним).

Перейдём к вопросу о состоянии бриджингового капитала в Архангельской области. Как было указано выше, его индикаторами могут служить общий уровень доверия согражданам и уровень доверия ключевым политическим и социально-экономическим институтам.

Что касается общего уровня доверия в Архангельской области, то он хотя и несколько выше, чем в среднем по России (доля согласившихся с утверждением «Большинству людей можно доверять» составила 28,6% против общероссийского значения в 22%), тем не менее достаточно низкий по сравнению со странами с развитой сетью добровольных гражданских ассоциаций и низовых общественных инициатив. Так в США этот показатель равен 34,8%, в Германии — 44,6%, в Швеции — 60,1% (данные World Values Survey, 2010–2014 гг.)⁴.

Значения индексов институционального доверия в Архангельской области отражены на гистограмме⁵ (рис. 3).

⁴ Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ // Отчет Центра стратегических разработок. М., 2017. С. 32. URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/10/report-sf-2017-10-12.pdf> (дата обращения: 21.04.2020).

⁵ Индексы доверия были построены по формуле: ответы («полное доверие» + ½ «неполного доверия») минус (½ «неполное доверие» + «полное недоверие»). В основу была положена методика Левада-Центра: Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура. Вестник общественного мнения. 2012 № 2. С. 12.

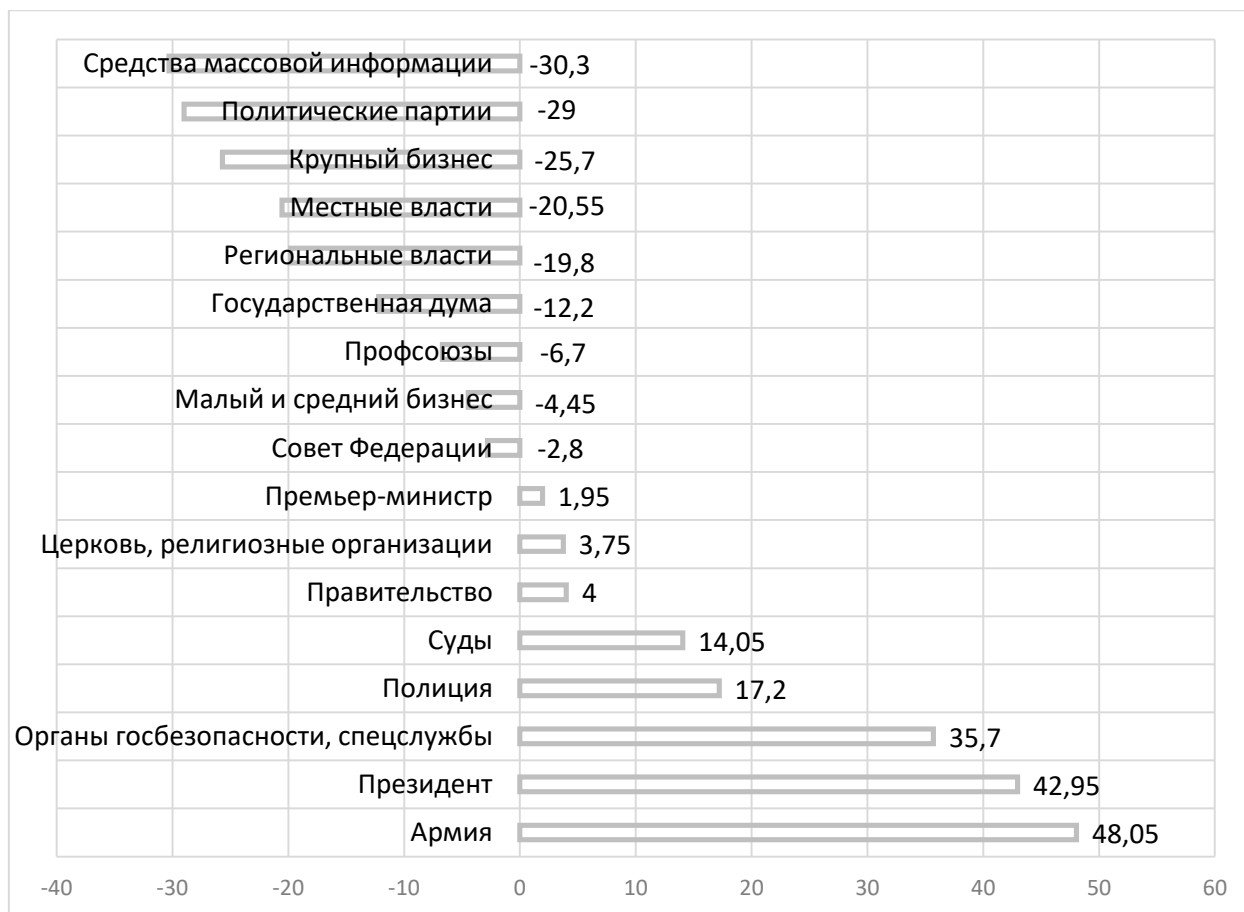

Рис. 3. Индексы институционального доверия (значения без размерности, диапазон от -100 до 100, n = 407).

Значительная часть респондентов демонстрирует доверие к президенту (доли ответов «доверяю» — 41,9 % и «скорее доверяю» — 33,1 %), армии (43,6 и 29,7 % соответственно) и органам госбезопасности и спецслужбам (28,4 и 38,8 % соответственно). В наименьшей степени опрошенные доверяют СМИ (доли ответов «не доверяю» — 36,7 % и «скорее не доверяю» — 26,9 %), политическим партиям (32,5 и 25,2 % соответственно) и крупному бизнесу (29,8 и 24,2 % соответственно). Индексы доверия к институтам, в наибольшей степени отражающим уровень накопления бриджингового социального капитала, — малый и средний бизнес, профсоюзы, религиозные объединения — также отличаются весьма низкими значениями.

Таким образом, в отношении Архангельской области в части уровня сформированности в регионе социального капитала могут быть сделаны такие же выводы, какие исследователи делают и по отношению к России в целом: сочетание относительно высокого уровня бондингового социального капитала при дефиците бриджингового социального капитала⁶. Красноречивым свидетельством этого выступают также данные, полученные нами по индикатору взаимопонимания, косвенно отражающему относительную силу различных групповых идентичностей (рис. 4). Однако мы хотели бы обратить внимание на то, что предложен-

⁶ Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ // Отчёт Центра стратегических разработок. М., 2017. С. 30. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (дата обращения: 21.04.2020).

ная выше качественная интерпретация, в соответствии с которой ситуация с социальным капиталом в Архангельской области представляет собой отражение общероссийской ситуации в миниатюре, не отменяет количественных отличий его ключевых индикаторов в сравнении с другими регионами. Тем более, что усреднённые общероссийские значения этих индикаторов не позволяют показать достаточно пёструю, дифференцированную картину, которая открывается, если смотреть на ситуацию в региональном разрезе. Так, согласно данным по 10 субъектам РФ (представлены все федеральные округа), приведённым в совместном докладе Центра стратегических разработок, Российской экономической школы и Института национальных проектов, разброс долей респондентов, согласных с утверждением, что большинству людей можно доверять ⁷, находится в диапазоне от 18,2% (в Ярославской области) до 25,4% (в г. Москве) при среднем значении в 21,7% ⁸. Очевидно, что даже с учётом ошибки выборки, уровень бриджингового капитала в Архангельской области несколько выше, чем во многих других российских регионах ⁹. Вместе с тем было бы неверно преувеличивать значение этих количественных различий, поскольку разница в несколько процентных пунктов не позволяет рассматривать Архангельскую область как атипичный, радикально отличный от остальной России по показателям доверия и социального капитала регион.

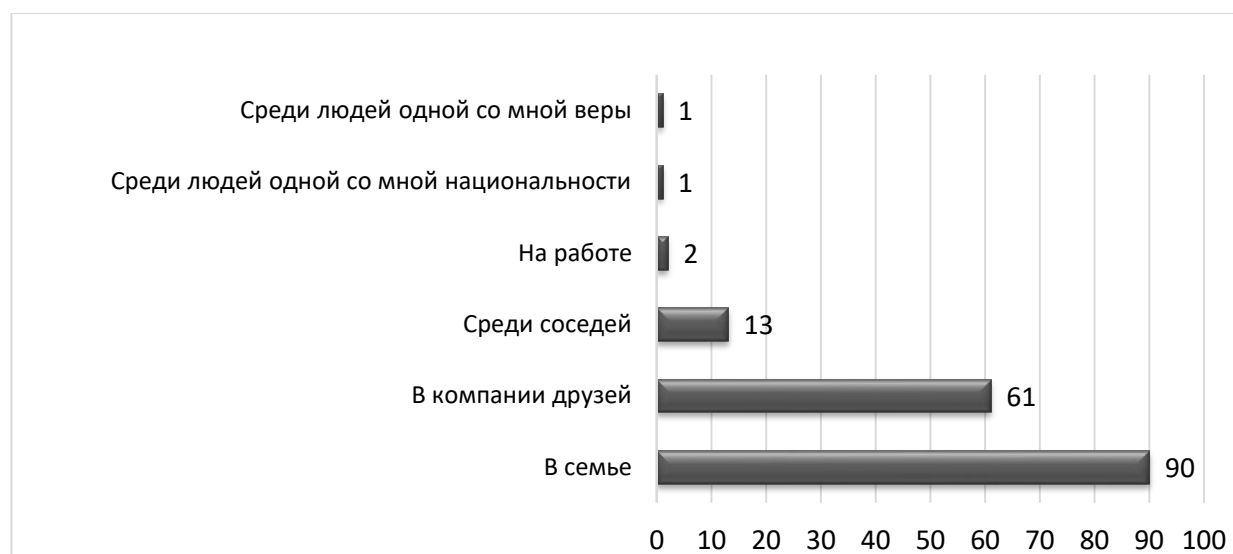

Рис. 4. Ответ респондентов на вопрос: «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» (в % от числа ответивших, n = 407).

Следует отметить, что уровень доверия в обществе, как и уровень доверия к отдельным общественным институтам — медленно изменяющиеся параметры ¹⁰. Так, согласно ис-

⁷ Напомним, что общий уровень доверия — ключевой индикатор для определения величины бриджингового социального капитала.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Причины межрегиональных различий в уровнях доверия и социального капитала — интересная и важная тема, однако она выходит за рамки исследовательских задач настоящей статьи.

¹⁰ Разумеется, экстраординарные общественно-политические события могут породить заметные колебания в значениях индексов доверия к отдельным институтам, как это было, например, в отношении институтов федеральной государственной власти (особенно Президента) в момент «крымского консенсуса» или после июня 2018 г., когда Правительство объявило о планах повышения пенсионного возраста. Необходимо отметить, что наш опрос был проведен до последних событий, связанных с изменениями в пенсионном законодательстве, и,

следованиям, проводимым на протяжении более 20 лет Левада-Центром, недоверие по отношению к согражданам в среднем остается достаточно высоким на протяжении всего постсоветского периода развития страны, также как и сохраняется высокий уровень декларируемого доверия к трём особо значимым символическим институтам: главе государства, церкви и армии [9, с. 43–45]. Как следствие, мы можем обоснованно полагать, что результаты нашего опроса отражают среднесрочное состояние дел в сфере воспроизводства социального капитала для обследованных территорий.

Динамика экономической ситуации в Архангельской области и её связь с социальным капиталом

Обратимся теперь к статистическим показателям, отражающим как состояние региональной экономики (табл. 1), так и динамику экономической активности, которую мы связываем — при прочих равных — с динамикой социального капитала (табл. 3). В последнем случае речь идёт о предпринимательской активности населения и изменениях инвестиционного климата, поскольку для этих процессов социальный капитал выступает важной предпосылкой.

Таблица 1

Отдельные показатели экономического развития Архангельской области на период 2014–2018 гг.

Показатель / Год	2014	2015	2016	2017	2018
Индекс физического объема ВРП в % к предыдущему году (в постоянных ценах) ¹¹	101,1	100,1	99,2	103,8	102,9
Инвестиции в основной капитал, в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах) ¹²	79,4	67,0	129,8	130,9	93,8
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году ¹³	102,4	96,2	93,0	98,1	99,4

Как видно из табл. 1, за период с 2014 по 2018 гг. относительные показатели валового регионального продукта и денежных доходов населения не продемонстрировали сколько-нибудь значительного роста — в целом можно отметить тенденцию к их стабилизации в среднесрочной перспективе. Инвестиции в основной капитал показали неустойчивый рост за период в 5 лет (наглядно отображено на рисунке 5). Их прирост за 2015–2016 гг. можно объяснить как общим восстановлением экономики после спада в 2014 г., так и отдельными крупными инвестиционным проектами, реализуемыми в этот период (например, запуск гор-

следовательно, его результаты не несут на себе «отпечатка» реакции общественного мнения на непопулярные решения федеральных властей.

¹¹ Архангельская область без Ненецкого автономного округа. Валовой региональный продукт // Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу [Электронный ресурс]. URL: <https://arhangelskstat.gks.ru/grp11001> (дата обращения: 21.04.2020).

¹² Архангельская область без Ненецкого автономного округа. Инвестиции // Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: <https://arhangelskstat.gks.ru/investment11001> (дата обращения: 21.04.2020).

¹³ Архангельская область без Ненецкого автономного округа. Уровень жизни // Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: https://arhangelskstat.gks.ru/standards_of_life11001 (дата обращения: 21.04.2020).

но-обогащительного комбината на месторождении алмазов им. В. Гриба). Дальнейший рост инвестиций в региональную экономику на фоне фактической стагнации производства и отсутствия признаков расширения потребительского рынка возможен лишь за счёт улучшения инвестиционного климата посредством совершенствования институциональной среды и инфраструктуры (в т.ч. финансовой). В свою очередь, эти факторы инвестиционной привлекательности региона выступают предметом экономической политики региональных властей.

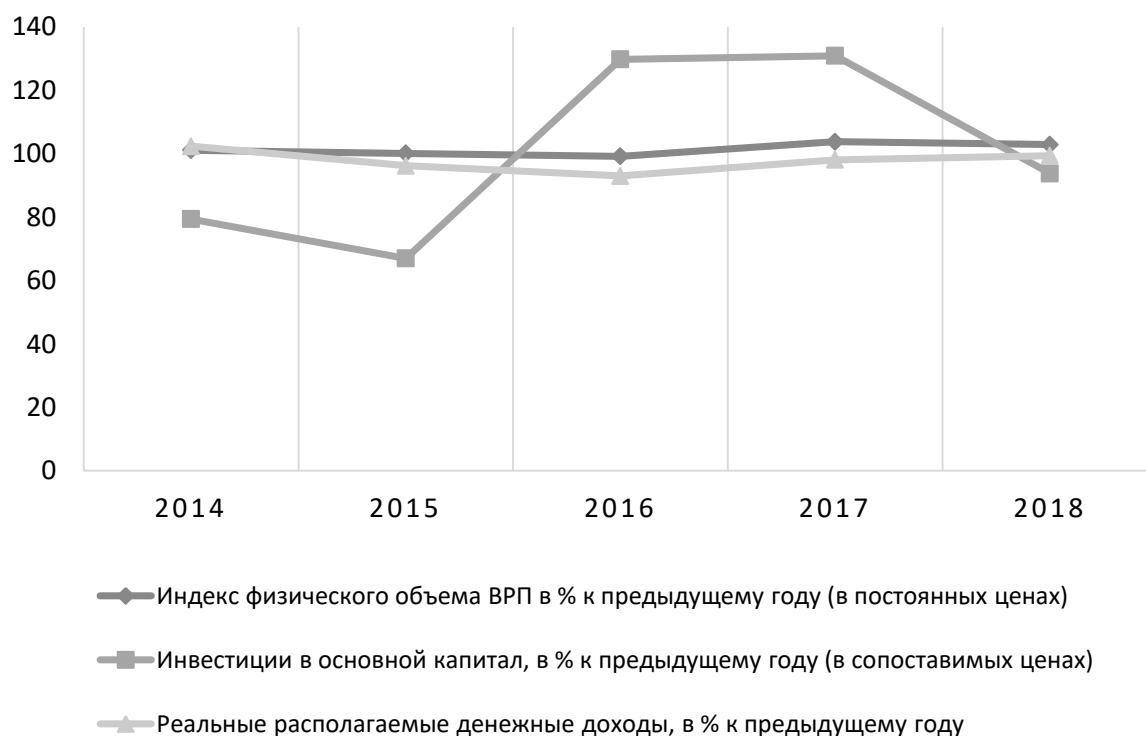

Рис. 5. Динамика отдельных показателей экономического развития Архангельской области на период 2014–2018 гг.

Утверждённая в конце 2013 г. региональная государственная программа «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области (2014–2024 гг.)»¹⁴ предполагала выделение в общей сложности 439 980,7 тыс. рублей на реализацию мер по формированию благоприятной среды для развития инвестиционной деятельности (подпрограмма № 1), включая создание благоприятных условий для привлечения прямых инвестиций в экономику региона и развитие механизмов государственно-частного партнерства, и 2 109 791,6 тыс. рублей на развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в регионе (подпрограмма № 2). При этом на конец 2019 г. по подпрограмме № 1 израсходовано 245 932,2 тыс. рублей целевых средств (55,9% бюджета подпрограммы), а по подпрограмме № 2 — 1 318 480,6 тыс. рублей или около 62,5% бюджета подпрограммы (см. табл. 2). Несмотря на то, что обе подпрограммы с учётом сроков и бюджетных расходов реализованы

¹⁴ Об утверждении государственной программы Архангельской области «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области (2014–2024 гг.)»: Постановление Правительства Архангельской области от 8 октября 2013 г. № 462-пп. URL: <https://dvinaland.ru/budget/programs/12> (дата обращения: 21.04.2020).

немногим более, чем наполовину, и окончательную оценку их эффективности давать ещё рано, некоторый позитивный эффект от их частичной реализации можно было бы ожидать уже по итогам 2019 г. Однако мы наблюдаем иную картину (см. табл. 3).

Таблица 2

Финансирование подпрограмм № 1 и № 2 региональной государственной программы «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области (2014–2020 годы)» (по годам, тыс. рублей)

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Подпрограмма № 1 «Формирование благоприятной среды для развития инвестиционной деятельности»	5 396	108 281,9	2 763,8	1 394,3	46 589	81 507,2
Подпрограмма №2 «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Архангельской области»	229 973	192 355	120 848,1	103 717,6	116 089,8	555 533,1

Так, согласно Национальному рейтинговому агентству, инвестиционная привлекательность Архангельской области по итогам первых пяти лет реализации региональной государственной программы не только не выросла, но и снизилась (повышение в рейтинге по итогам 2019 г. означает лишь возврат к той позиции, которую регион занимал на период начала действия программы).

Таблица 3

Показатели инвестиционной привлекательности и динамики малых предприятий в Архангельской области

Показатель / Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Инвестиционная привлекательность (согласно рейтингу Национального рейтингового агентства) ¹⁵	нет данных	IC5 ¹⁶ (средняя инвестиционная привлекательность — второй уровень)	IC5 (средняя инвестиционная привлекательность — второй уровень)	IC6 (средняя инвестиционная привлекательность — третий уровень)	IC6 (средняя инвестиционная привлекательность — третий уровень)	IC5 (средняя инвестиционная привлекательность — второй уровень) ¹⁷
Число малых предприятий на 10 000 че-	124 (144) ¹⁹	121 (152)	126 (189)	127 (188)	122 (181)	нет данных

¹⁵ Источник: Рейтинг инвестиционной привлекательности субъектов РФ (Архангельская область) // Национальное рейтинговое агентство. URL: http://www.ra-national.ru/ru/node/54724?field=field_rat_qual_invest_reg_dist (дата обращения: 21.04.2020).

¹⁶ Методология рейтингования основана на оценке региона по 55 параметрам, сведённым в 7 факторов инвестиционной привлекательности: географическое положение и природные ресурсы, трудовые ресурсы, инфраструктура, внутренний рынок, производственный потенциал, институциональная среда (вклад этого фактора эксперты оценивают в 14% значения интегрального индекса) и финансовая устойчивость. Источниками данных для оценки регионов по каждому из параметров служат государственная статистика, опросы предпринимателей и экспертные оценки. Каждый регион включается в одну из 9 групп; включение региона в определенную группу основано на процедуре кластерного анализа.

¹⁷ Источник: VII ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России за 2019 г. // Национальное рейтинговое агентство. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf (дата обращения: 21.04.2020).

людей населе- ния, единиц ¹⁸						
--	--	--	--	--	--	--

Впрочем, несмотря настораживающие тенденции, вполне можно допустить, что бюджетные расходы, направляемые на создание условий, способствующих росту инвестиционной привлекательности региона, всё-таки произведут пусть отложенный во времени, но зато долгосрочный эффект. Вместе с тем к настоящему моменту мы наблюдаем явный неуспех региональных властей в деле создания институциональной среды, благоприятствующей притоку инвестиций. Зафиксированный нами в ходе опроса населения низкий показатель бриджингового социального капитала, отражающий в том числе недоверие населения к политическим и правоохранительным институтам (за исключением Президента, спецслужб и армии), согласуется с приведённым тезисом²⁰.

Невысокая позиция Архангельской области в инвестиционном рейтинге российских регионов обусловлена, таким образом, как структурными особенностями её экономики и общим состоянием факторов производства, так и недостаточно эффективной политикой по нормализации инвестиционного климата в области. И если структурные параметры региональной экономики во многом определяются исторически сложившейся моделью экономического развития региона, что делает их оптимизацию перспективой отнюдь не ближайшего будущего, то повышение качества институтов и доверия к ним со стороны рыночных агентов — задача, которая может быть реализована в относительно короткие сроки за счёт грамотных политических решений²¹.

¹⁹ В скобках указано среднероссийское значение.

¹⁸ Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 634–635; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 572–573; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 670–671; С. 684–685; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 592–597.

²⁰ Ежегодные доклады о состоянии и развитии конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг Архангельской области (за период 2015–2019 гг.) показывают, что среди важнейших барьеров на пути развития малого и среднего предпринимательства бюрократическая зарегулированность ведения бизнеса отмечалась в среднем (за год) 22% представителей регионального бизнес-сообщества, отсутствие помощи / поддержки со стороны органов власти — 15,5%, коррупция — 6,5% (стоит отметить позитивный тренд на снижение оценки значимости этого негативного фактора с 2016 по 2019 гг.) С содержанием докладов можно подробнее ознакомиться: Работа комиссии по инвестиционной политике и развитию конкуренции / Стандарт развития конкуренции / Министерство экономического развития Архангельской области // Официальный сайт Правительства Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/gov/iogv/minec/competition/> (дата обращения: 21.04.2020).

Очевидно, что в совокупности вышеуказанные барьеры снижают доверие к государственным институтам со стороны части предпринимательского сообщества и в силу коммуникативной взаимосвязанности бизнес-среды снижают общий уровень институционального доверия в соответствующей социальной страте. Исходя из этого, предприниматели Архангельской области в основной своей массе, вероятно (хотя мы и не располагаем репрезентативными данными на этот счёт), не сильно отличаются от остального населения в своих оценках качества институциональной среды, присоединяясь к общему скептическому настроению.

²¹ Поскольку характеристики факторов производства и инфраструктуры, согласно тем же докладом, воспринимаются предпринимателями как более-менее неизменные, как некие константы региональной экономической системы, постольку сами предприниматели адаптируют свои бизнес-модели под эти условия. Изменения в институтах — «правилах игры» (законодательство, регулирующие процедуры, налогообложение и т.п.), наоборот, параметры более подвижные и вносят высокую неопределённость в перспективы развития собственного бизнеса, снижая мотивацию к расширению / диверсификации предпринимательской деятельности у субъектов малого и среднего бизнеса. Очевидно, что институциональные параметры региональной экономики должны

Следуя логике, согласно которой повышение доверия к публичным институтам ведёт к росту бриджингового социального капитала, что, в свою очередь, снижает масштабы транзакционных издержек и стимулирует деловую активность, мы можем проиллюстрировать справедливость нашей гипотезы о влиянии уровня социального капитала на реализацию предпринимательского потенциала посредством динамики относительной численности действующих малых предприятий. Особенно показательны эти данные на фоне государственных мер поддержки малого и среднего бизнеса, реализуемых властями Архангельской области с 2014 г.

Малые предприятия были выбраны в качестве иллюстрации по причине того, что для их руководителей величина транзакционных издержек является более значимым ограничителем бизнес-деятельности, чем для средних и крупных предприятий. По данным Росстата, в период с 2014 по 2018 гг. среднегодовой относительный прирост численности субъектов малого предпринимательства составил -0,36%, т.е. фактически динамика по этому показателю была близка к нулевой (за этот же период среднегодовой общероссийский показатель составлял около 6,4%). Очевидно, что меры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, способные производить позитивный эффект в конкретных частных случаях, не меняют общей ситуации с предпринимательской активностью в Архангельской области (по крайней мере, в сегменте малого предпринимательства).

Заключение

Макроэкономические и структурные параметры региональной экономики не могут стать объектом регулирования со стороны региональных органов власти в связи с ограничением ресурсов последних и долгосрочным характером процессов изменения этих параметров. Следовательно, повышение инвестиционной привлекательности Архангельской области и обеспечение экономического роста, в том числе за счёт возрастания предпринимательской активности населения, возможно за счёт улучшения качества институциональной среды и создания условий для увеличения совокупного объёма социального капитала, поскольку он позволяет заметно сократить транзакционные издержки и снизить уровень неопределённости и риска для участников рыночных отношений. Причём ключевую роль в данном процессе играет обладание именно бриджинговым социальным капиталом (тесно связанным с оценками состояния ключевых институтов), так как это позволяет опереться на широкую сеть основанных на взаимном доверии социальных контактов за пределами первичных групп (семьи и друзей) и снизить риски в отношениях с рыночными контрагентами и регуляторами.

Как было показано в статье, уровень бриджингового социального капитала в Архангельской области, зафиксированный нами посредством индексов общего и институциональ-

быть настроены таким образом, чтобы не только способствовать удовлетворению текущих запросов предпринимателей, но и создавать предсказуемость экономической политики государства, что является краеугольным камнем долгосрочного планирования бизнес-деятельности.

ного доверия, довольно невелик и примерно соответствует среднероссийскому. В этих условиях государственные программы, нацеленные на улучшение инвестиционного климата и стимулирование предпринимательской активности, вряд ли смогут принципиально улучшить ситуацию в этой сфере. Предпосылкой такого улучшения должно стать позитивное изменение массовых представлений граждан о перспективах долгосрочного инвестирования и ведения бизнеса в условиях периферийных российских регионов. Последнее же предполагает проведение давно назревших институциональных реформ — не только в конкретном регионе, но и на общероссийском уровне.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ гос. регистрации проекта — АААА-А19-119020490098-1).

Литература

1. Мышляева Т.В. Доверие в современном обществе: подходы к анализу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1. С. 301–307.
2. Полищук Е.А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 5. Вып. 1. С. 10–16.
3. Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент: в 2-х томах. Том 1 / Пер. с англ. Москва, 2004. 468 с.
4. North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University press. 1990. 160 p.
5. Bourdieu P. The forms of capital // Richardson. J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Westport, CT: Greenwood, 1986. Pp. 241–258.
6. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. No. 6 (1). Pp. 65–78.
7. Блок М., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Теория, методология и история социологии. 2015. Сер. 12. Вып. 4. С. 99–111.
8. Putnam R.D. Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, Simon & Schuster, 2000. 541 p.
9. Portes A., Vickstrom E. Diversity, Social Capital, and Cohesion // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. Pp. 461–479.
10. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8–47.

References

1. Myshlyayeva T.V. *Doverie v sovremennom obshchestve: podkhody k analizu* [The Trust in the Contemporary Society: Approaches to Analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [The Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevskiy. Series: Social Sciences], 2006, no. 1, pp. 301–307.
2. Polishchuk E.A. *Sotsial'nyy kapital i ego rol' v ekonomicheskoy razvitiy* [Social Capital and Its Role in Economic Development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5* [St. Petersburg University Journal of Economic Studies], 2005, vol. 5, iss. 1, pp. 10–16.
3. Milgrom P., Roberts Dzh. *Ekonomika, organizatsiya i menedzhment: v 2-h tomah. T. 1* [Economics, Organization and Management. Vol. 1]. Saint Petersburg, Ekonomicheskaya Shkola Publ, 2004. 468 p. (In Russ.)

4. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press. 1990. 160 p.
5. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richardson. J., ed., *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport, CT: Greenwood, 1986, pp. 241–258.
6. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1995, no. 6 (1), pp. 65–78.
7. Blok M., Golovin N.A. *Sotsial'nyy kapital: k obobshcheniyu ponyatiya* [Social Capital: to a Generalization of the Concept]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Teoriya, metodologiya i istoriya sotsiologii* [The Bulletin of the Saint Petersburg University. Theory, Methodology and History of Sociology], 2015, vol. 12, iss. 4, pp. 99–111.
8. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Simon & Schuster, 2000. 541 p.
9. Portes A., Vickstrom E. Diversity, Social Capital, and Cohesion. *Annual Review of Sociology*, 2011, vol. 37, pp. 461–479.
10. Gudkov L. «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura [«Trust» in Russia: Meaning, Functions, Structure]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Bulletin of Public Opinion], 2012, no. 2, pp. 8–47.

Статья принята 21.04.2020.